

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1762-1815 ГОДАХ

Если возникает необходимость в кратком рабочем определении просвещенного абсолютизма как распространенной формы правления во второй половине XVIII - начале XIX в., то оно может быть следующим. Это сочетание лучших черт "правового", "сословного" и "полицейского" государств с особым акцентом на социальную справедливость и общественное благосостояние, которые к тому же способствуют величии и мощи государства. Три русских монарха, царствования которых приходятся на временные рамки настоящей статьи, олицетворяют совершенно разные элементы данного нами определения. Стиль Екатерины служил примером показательных действий, в том числе и в области экономической. Павла тревожило чувство долга, он был занят поисками равновесия, но главным образом постоянства. Александр представлял собою некоего общественного деятеля в императорском обличье, мотивы действий которого утопичны.

Просвещенный абсолютизм как парадигма модернизации, замышляемой и направляемой государством, был в России XVIII в. столь же непопулярен, как и необходим. Знаменитая западноевропейская острота гласила: правление в России в XVIII в. являет собою деспотизм, ограниченный цареубийством. Это наблюдение не было простой шуткой. Цареубийство оставалось постоянным средством устрашения многих прогрессивных правлений в Европе XVIII в. Как и повсюду, XVIII век в России был веком просвещенного абсолютизма и дворянского мятежа. Но поскольку оба названных явления явно противостояли друг другу, этот век стал временем острого политического конфликта. Екатерине довелось рано познать силу консервативной реакции, ее преемнику, Павлу, пришлось заплатить своей жизнью, да и сын его, Александр I, вынужден был за нее опасаться. По иронии судьбы Екатерина, будучи иностранкой, женщиной и лицом, не имевшим законных прав на престол, более спокойно и уверенно просидела на троне государства, определенно отмеченного чертами женоненавистничества и ксенофобии, нежели два ее преемника, которые были монархами вполне законными, являлись мужчинами и имели российское происхождение.

Для того, чтобы убедиться, что этот род политической динамики имел общий характер, нам достаточно нескольких примеров. Мятеж дворянства принес монархам и министрам, действовавшим в духе просвещенного века, весьма горькие разочарования. Екатерина была только напугана. Иосиф II раздавлен. Фридрих II нашел прибежище в цинизме и прагматизме. Густав III пал жертвой покушения. Густава IV Адольфа заставили отречься от престола, приставив нож к горлу. Маркиза Помбаля осудили за измену и подвергли изгнанию. Испанский король Карл III пожертвовал маркизом Эскиланшем, уступая требованиям разъяренной толпы. Людовик XVI сместил канцлера Мопу.

Не было ничего парадоксального, как иногда полагают¹, в том, что прогрессивные реформы и самодержавная власть обнаруживали тесную связь. Напротив, эта связь

* Рэгсдейл Хью, профессор истории Университета штата Алабама (США). Перевод с английского В. Н. Пономарева.

Автор выражает признательность Дж. Т. Александеру, Р. Джонсу, А. В. Игнатьеву, Р. Макгру, В. Н. Виноградову и В. Н. Пономареву за критические замечания.

являлась вполне логичной. Дело в том, что в большинстве европейских стран особенно в Восточной Европе, прогрессивные мероприятия, которые в следующем столетии получат название либеральных, без воздействия абсолютной власти были бы немислимы. Однако большей части режимов, считавшихся абсолютистскими, как раз и недоставало власти, необходимой для осуществления реформ. Иными словами в условиях XVIII в., как ни странно, именно либерализм, представленный общественным мнением, часто выступал сторонником абсолютизма². Самый претенциозный историк екатерининского царствования В. А. Бильбасов пишет: "Большая ошибка думать, что в России нет общественного мнения. Вследствие того, что в России нет правильных форм для его выражения, оно проявляется неправильно, скачками, урывками, только в важные исторические моменты, но проявляется тем с большею силою и в формах тем более своеобразных"³. Правления Екатерины, Павла и Александра в равной степени подтверждают это.

Екатерина, безусловно, хотела отменить Манифест Петра III о вольности дворянской, однако первое время, еще неуверенно чувствуя себя на русском троне, она вынуждена была считаться с мнением дворянства, а потому просто откладывала решение этого вопроса⁴. В то время она была занята наведением лоска на свое просвещенное сооружение: созвала Уложенную комиссию и написала для нее грандиозный Наказ, составленный из самых выдающихся политических произведений XVIII в.

Целью созыва Уложенной комиссии было собрать необходимые сведения для создания и обнародования некоего подобия конституции Российской империи, однако, не либеральной конституции английского типа и не общественного договора, а некоего основного закона для государства, олицетворявшего центральноевропейскую и восточноевропейскую модели просвещенного абсолютизма. Екатерина имела в виду три сословия: дворянство, средний класс ("средний род людей") и крестьянство. Духовенство она в расчет не принимала, что было вполне в духе эпохи Просвещения. Результатом работы Комиссии должно было стать составление пышных статей Уложения, в которые позднее были бы включены и ее политические проекты по устройству империи⁵.

Во время работы Комиссии впервые в истории России был затронут очень болезненный вопрос, который для всей Восточной Европы служил тонким показателем того, насколько серьезной являлась приверженность политике Просвещения. Этим вопросом было крепостное право. Из записок Екатерины следует, что она была настроена против него. Частновладельческие крестьяне не были представлены в Уложенной комиссии, и сама постановка вопроса, возможно, по инициативе Екатерины, вызвала бурю протестов со стороны благородных владельцев крепостных душ. Особенно вызывающим являлось утверждение, что "неограниченная власть собственника над своими крепостными согласуется с абсолютной властью монарха над его подданными, она не может быть ограничена без угрозы подрыва самого принципа самодержавия". Кн. М. М. Щербатов прямо заявлял, что на деле речь шла об освобождении крестьян. Однако незыблемость крепостного права есть основание, на котором зиждется спокойствие самой монархии⁶.

"Если бы Екатерина попыталась решительными действиями смягчить крепостное право, - пишет современный российский исследователь, - она была бы свергнута разъяренным дворянством... Посягать на крепостное право значило потерять корону"⁷. О крушении планов Екатерины в отношении крепостного права говорится и в ее воспоминаниях⁸.

Примерно в то время, когда этот вопрос в Уложенной комиссии стал чреват особым обострением, Екатерина, не вполне по собственному желанию, оказалась в состоянии войны. С этого момента в русской политике обозначилась важная черта: отныне периоды внутренних реформ станут чередоваться с периодами активной внешней политики. Реформы в России были как бы слишком пугающими, слишком угрожающими, во всяком случае, слишком ограничительными, тогда как сфера

внешней политики являлась более непринужденным и надежным полем деятельности для энергичных сторонников просвещенного абсолютизма.

По мере переключения внимания Екатерины на турецкую войну и польские неурядицы забывались реформы, а вместе с ними и все внутренние дела. Очевидный тупик в осуществлении просвещенческих намерений и сама российская действительность нацелили императрицу на более легкое дело - войну, направив ее честолюбивые порывы на более далекие предметы.

Но после войны и восстания Пугачева Екатерина вновь обратила внимание на внутренние проблемы, особенно те, которые были вызваны войной или рельефнее очерчены ею. Разумеется, реформа крепостного права больше не обсуждалась⁹. В промежутке между двумя внешнеполитическими кризисами, каждый из которых повлек за собой войны с Турцией и польские восстания, были изданы главные законодательные акты. Пугачевское восстание нанесло сильный удар по провинциальной администрации. Екатерина предприняла шаги для восстановления и усовершенствования местного управления, для придания ему стабильности. В 1775 г. она издала "Учреждение о губерниях".

Новая провинциальная администрация твердо опиралась на дворянство, что усиливало зависимость от него императрицы. Дворянство было единственным социальным слоем в стране, на который Екатерина могла положиться в своей работе по устройству системы управления. В 1785 г. появились Жалованная грамота городам и знаменитая (или бесславная) Жалованная грамота дворянству. Эта последняя может быть признана наградой за услуги, оказанные дворянством во время войны и восстания Пугачева, но в то же время ее можно оценить и как признание Екатериной своей зависимости от дворянства. Вместо того, чтобы внести изменения в общественное устройство (их призвано было осуществить екатерининское законодательство 1760-х гг.), Грамота узаконила то, что было названо "золотым веком русского дворянства".

Жалованная грамота дворянству придала этому сословию приблизительно такой же корпоративный юридический статус, каким обладал его западноевропейский собрат, хотя в России положение дворянства было обусловлено исключительно монаршим указом, а не традицией, как это имело место в Западной Европе. В отличие от Жалованной грамоты дворянству Жалованная грамота городам касалась не определенного социального слоя (мещанства или купечества), но общества, характеризовавшегося лишь своей функцией, т. е. людей, занятых торговлей, управлением, ремеслами, общественными работами или иной деятельностью, привязывавшей их к городским условиям. Она создавала то, что в лучшем случае являлось отдаленным подобием общественного порядка в европейском его понимании¹⁰.

В то же время Екатерина составила, но не обнародовала подобную же грамоту государственным крестьянам. Почему она не оформила ее указом? Авторитетный исследователь дает такой ответ: "Наиболее очевидная трудность... заключалась в возможном воздействии ее на помещичьих крестьян. Она могла бы показаться крепостным обещанием билля о правах также и для них"¹¹.

Сегодня кажется ясным, что грандиозные проекты Екатерины, касавшиеся разработки российской конституции, которая, очевидно, и замышлялась как результат работы Уложенной комиссии, и издания Жалованных грамот, потерпели полное крушение. Екатерина одному сословию - дворянству - дала подобие юридического статуса. Другой, пестрой по составу группе населения, был дан менее удовлетворительный вариант легального сословного оформления. Если бы императрица на самом деле издала свой проект грамоты государственным крестьянам, она таким образом распространила бы идею сословного государства на 47% населения России¹². Если расценивать ее достижения даже самой щедрой меркой, то и тогда следует признать, что благодеяния, которыми она намеревалась осыпать все русское общество, на самом деле распространились менее чем на 10% населения империи.

Конец 1780-х гг. ознаменовался новой войной с Турцией, польским восстанием, а также Французской революцией. Людовика XVI казнили 10 (21) января 1793 г.,

в 18-ю годовщину казни Пугачева, как будто существовала некая необходимость ассоциировать его с яacobинцами. Во всяком случае, сенатор А. И. Бибиков откровенно проводил такое сравнение. Екатерина разорвала дипломатические отношения с Францией, приостановила действие торгового договора 1787 г., наложила запрет на французские книги, закрыла для французских судов российские порты, а российским судам запретила входить во французские, выслала тех французских эмигрантов, которые отказались поклясться в неприятии революции, и отозвала из Франции всех русских подданных. Английский посол в России доносил о росте враждебности к революции среди влиятельных кругов общества. Правительственные "Санкт-Петербургские ведомости" и их московский аналог ввели усиленную цензуру на новости из Франции¹³.

Бурные события в Европе свели на нет все реформаторские порывы в России. Чередование приоритетов внутренней и внешней политики в определенные периоды подтверждается статистически. Современный российский специалист по екатерининскому царствованию приводит следующие цифры: в начале 1760-х гг. издавалось по 22 законодательных акта в месяц, во время первой войны с Турцией - 13, в начале 1780-х гг. - 19, а в 1790-х гг. - всего 8¹⁴.

Вопрос о противодействии русского дворянства просветительским проектам и прогрессивным мероприятиям достаточно просто изложить в виде резюме, поскольку он представляется ясным и в основных своих чертах давно изучен¹⁵. Гораздо менее изучен вопрос о дворянской оппозиции политике войны и экспансии. Наиболее заметная работа в исследовании данной проблемы проделана Р. Джонсом¹⁶.

Как ни странно, но данное явление настолько же старо, насколько мы его считаем новым. Возьмем, например, учреждение опричнины Иваном IV во время непопулярной Ливонской войны. Или вспомним Долгоруких и Голицыных, пытавшихся перенести столицу обратно в Москву в 1727 г. Фактически мы обращали слишком мало внимания на одно старое солидное исследование, в котором, наряду с прочим, содержатся богатые сведения о такого рода оппозиции на протяжении большей части XVIII столетия. Я имею в виду книгу В. Медигера¹⁷. В сентябре 1737 г. вернулся домой в Пруссию Иоганн Фокеродт, который пробыл на дипломатической службе в России 25 лет. В пространным докладе кронпринцу Фридриху он следующим образом охарактеризовал отношение русского дворянства к внешней политике: "Наша страна достаточно велика, нам не нужны дальнейшие расширения территории, мы нуждаемся только в умножении населения. Завоевания Петра I не дали России ничего, чего бы она уже не имела, не добавили нам богатства, но чтобы сохранить эти завоевания, нам пришлось истратить гораздо больше... Прежде цари также совершали завоевания, но только тех земель, которые были необходимы для страны"¹⁸.

О еще более резкой оппозиции сообщал в 40-х гг. XVIII в. английский посол Эдвард Финч: "Среди дворян не найдется ни одного, кто не желал бы, чтобы Санкт-Петербург ушел на дно моря, а недавно присоединенные провинции провалились бы в тартарары. Тогда они смогли бы вернуться в Москву, где вблизи своих поместий стали бы жить лучше и дешевле. Кроме того, они убеждены, что России было бы намного лучше не иметь касательства к делам Европы в большей степени, чем она имела прежде, и ограничиться защитой своих собственных старых [традиционных] территорий"¹⁹. В. Медигер замечает также, что "со времени Петра все усилия оппозиции были направлены на то, чтобы насколько возможно облегчить бремя вооружений"²⁰.

Интерес Петра к присоединению Балтийского побережья, как и интерес его предшественников - Ивана III и Ивана IV, отчасти диктовался соображениями коммерции. С течением времени, по мере роста импорта предметов роскоши и экспорта сырья дворяне-землевладельцы начинали осознавать все преимущества петровских завоеваний. Однако это не изменило их отношения к подобным екатерининским проектам завоеваний.

В 1772 г. императрица назначила Григория Орлова вести мирные переговоры с турками в Фокшанах. Вскоре был раскрыт заговор в Преображенском полку, целью которого было свержение Екатерины и замена ее Павлом. Зачем? Для того, чтобы

избавиться от "фаворитов, подобных Орлову, бесчестных и беспринципных людей, которые преднамеренно поддерживают дорогостоящие и разорительные войны из личных соображений, не связанных с национальными интересами, а зачастую и противоположных им"²¹.

То было отражение взглядов, распространенных среди российского дворянства. В самом деле, главный советник Екатерины по иностранным делам Никита Иванович Панин постоянно выступал против "случайных людей", придворных фаворитов, которые не имели ни соответствующего происхождения, ни политических заслуг и которые побуждали монарха жертвовать внутренним благосостоянием государства во имя внешних войн и, следовательно, своего собственного продвижения по службе²². Панин стремился объединить север Европы против союза южных стран - Австрии, Франции и Испании. При этом ближайшей целью было поддержание мира на Балтике.

Однако примерно в то же время Екатерина начинала переключать свое внимание с надоедливой проблемы сохранения мира в Балтийском регионе на амбициозное предприятие по завоеванию причерноморских земель. Экономические выгоды здесь в некоторых отношениях были яснее, чем на Балтике. Земля была богатой и обильной, население редким, а сельскохозяйственный сезон более продолжительным и теплым. Русское население как-то признавало эти факторы, поскольку рост населения страны в то время был заметно выше на юге²³. Тем не менее, для развития экспортной торговли требовалось устройство портов, а значит, необходимо было отвоевать береговую линию.

Русское дворянство, как и следовало ожидать, стало придерживаться таких же отрицательных взглядов на эти планы, какие оно имело ранее по балтийскому вопросу. Новгородский губернатор Яков Сивере, занятый благородным делом - содействием экономическому развитию губернии, жаловался, что рекрутские наборы охватили 8, 5% мужчин призывного возраста, не говоря уже о побегах крестьян из страха перед призывом. Вновь и вновь он писал Екатерине о благе мира и тяготах войны для Новгородской губ. и лишь вскользь замечал, что новый свод законов Фридриха II является "прекрасным памятником, который просуществует дольше, чем блестящие трофеи, доставшиеся после дюжины побед"²⁴. Екатерина, однако, мыслила иначе. После побед в первой войне с Турцией она совершила дипломатическую революцию, преобразовав союз России с Пруссией в союз с Австрией; вскоре был подготовлен и грандиозный "греческий проект"²⁵.

Екатерина лично представила проект. Она сообщила Совету при высочайшем дворе о "секретных договоренностях между двумя императорскими дворами", а также обо "всем, что было предметом переговоров между ними в связи с сим великим проектом". "Российская императрица затребовала от своего Совета доклад о наилучших средствах извлечения как можно большей пользы для своей империи из нынешней (русско-турецкой 1787-1791 гг. - *Х. Р.*) войны". Окончательный документ был подписан всеми членами Совета. Во введении восхвалялась искусность, с которой Екатерина "создала" союз с Австрией. Подробно говорилось о преимуществах, уже полученных от этого союза благодаря присоединению Крыма, и заявлялось, что "по всей вероятности Россия получит от союза еще больше в этой войне... Что касается выгод, которые можно извлечь из настоящей войны, то вполне достаточно в этом случае придерживаться соглашения о замечательном великом проекте"²⁶.

Короче говоря, Совет без всяких возражений согласился с "греческим проектом". Однако все его члены, в сущности, были настроены против этого плана. В октябре 1781 г., когда зарождавшийся австро-русский союз находился еще в процессе формирования, прусский посланник доносил: в Петербурге некоторые полагают, что проект этот приведет Россию к несчастью²⁷. Французский посол писал около 1786 г.: "Русские министры не разделяют политических взглядов князя Потемкина, которого они совсем не любят. Их тайные желания клонятся к миру. Война и завоевания не обещают им никакой личной выгоды. Напротив, каждый видит в войне и завоеваниях осложнения для своего ведомства и пагубные последствия для империи. Воронцов

опасается застоя в торговле, Безбородко - многочисленных препятствий на ниве дипломатии, а все вместе - роста могущества князя Потемкина. Дворяне же не соблазняются завоеванием невозделанных, пустынных земель. Они страшатся новых расходов, которые будут возложены на них вследствие необходимого увеличения армии. Только несколько генералов и молодых офицеров хотят войны, которая, возможно, обещает им славу и продвижение по службе. Все остальные, впрочем, скрывают свои взгляды из опасения потерять благосклонность императрицы. Эти соображения не позволяют ее советникам откровенно говорить с ней об опасностях, которые могут проистекать из химерического проекта воссоздания Греческой империи"²⁸.

Тема "греческого проекта", как и следовало ожидать, была поднята зимой 1793/94 г., когда Вена и Петербург начали переговоры о возобновлении союза. Влиятельный член Коллегии иностранных дел граф А. И. Морков заметил австрийскому послу Л. Кобенцлю, что "это собственная идея императрицы, которой она лично привержена и относительно которой намеревается отдать мне приказания"²⁹. Приказания вскоре были отданы, и "греческий проект" превратился в текст письменного договора³⁰. Однако, как доносил Кобенцль, "весь российский кабинет без исключения не одобряет данного проекта императрицы. Министры считают его тем более противным интересам России, что, если бы он был когда-либо осуществлен, империя вынуждена была бы истощать свои ресурсы, поддерживая созданных ею монархов, которые, однажды заняв трон, превратились бы в более опасных соседей, чем турки", и даже кровные узы не смогли бы предупредить неизбежные войны. "Этот великий проект, задуманный самой императрицей, всегда являлся ее излюбленной идеей и главным стержнем союза двух императорских дворов". Следовательно, было бы политически опасным и бесполезным выдвигать какие-либо возражения против него³¹.

Таким образом, благодаря тому, что нам известно о "греческом проекте", мы можем лучше уяснить суть российской внешней политики. Становится очевидным, насколько легче монарх мог пренебречь мнением дворян в вопросах внешней, чем в более чувствительных для них вопросах внутренней политики, например, в вопросе о крепостном праве в Уложенной комиссии. Тот же самый конфликт обозначился в связи со вторым разделом Польши. Оппозиция группировалась вокруг А. Р. Воронцова, но верх одержала экспансионистская партия во главе с Г. А. Потемкиным и братьями Зубовыми³².

Переориентация внешней политики Екатерины с северного направления на южное, разумеется, стоила Н. И. Панину его влияния. В 1781 г. он был отставлен от службы, и главенство в антивоенной партии перешло к Воронцовым. Среди приверженцев этой партии был и А. Н. Радищев, являвшийся по существу протеже Воронцовых. В 1790 г. он опубликовал известную диатрибу "Путешествие из Петербурга в Москву", в которой называл монарха, склонного к войне, "величайшим в стране убийцей... и главнейшим нарушителем общественного спокойствия", ненавидимым "рабами", которые "жаждут его смерти".

Представляется, однако, что позиция Екатерины в этом вопросе была достаточно разумной. Императрица имела убеждения, характерные для партии западников XIX в.: Россия должна подражать Западной Европе, т. е. развивать торговлю и промышленность, заботиться о росте прогрессивной и модернизирующейся буржуазии³³. Если ей предстояло удвоить свои достижения, рассуждала Екатерина, то значительно большие шансы сделать это существовали на юге. Причерноморье по своим климатическим и географическим условиям имело очевидные преимущества перед местностями, расположенными на севере или у берегов Финского залива. Итак, эта идея представлялась императрице чрезвычайно рациональной, и в ее правоте убеждает простая ссылка на развитие черноморской торговли в XIX в.³⁴

У русского дворянства были, однако, иные представления. Дворяне очень хорошо понимали, какова будет цена буржуазного рога изобилия на побережье Черного моря. Он будет стоить новых налогов и крови, потребует военной службы как от дворян,

так и от их крепостных, совершенно разрушит тот менее претенциозный стиль жизни, которым предпочитало жить дворянство. И, следовательно, оно сопротивлялось.

Интересы дворянства, как оно само их понимало, отчасти были представлены тем направлением политической мысли, которое в начале царствования Екатерины было присуще Н. И. Панину, а во время царствования Александра I - В. П. Кочубею³⁵. Панин и Кочубей доказывали, что Россия уже обладает значительно большей территорией, нежели та, на которой она способна организовать эффективное управление; что с географической и стратегической точек зрения Россия почти неуязвима для вторжения и что интересы ее будут гораздо лучше соблюдаемы путем сохранения мира и развития земель, которыми она уже владеет. Такое направление русской политической мысли менее отчетливо воплощалось в политическую практику и было менее известно за границей, нежели замыслы, подобные "греческому проекту".

В течение 1790-х гг. в России произошла глубочайшая политическая метаморфоза. То была потаенная, ползучая, неосознанная революция, которая долго совершалась, но потребовала еще большего времени для своего осознания.

При Петре I власть государства над дворянством достигла высшей точки. Дворянский мятеж начался со смертью Петра. К началу екатерининского времени монархия не могла уже больше произвольно манипулировать двумя главными классами российского общества - дворянством и его движимым имуществом - крепостными. Характер властных отношений между дворянством и монархией начал меняться. Редукция власти Екатерины прошла несколько стадий. Сначала она не отказалась утвердить Манифест о вольности дворянской Петра III, хотя и предпочла бы это сделать. Пожалуй, она взяла на вооружение тактику промедления. Затем она ничего не предприняла, чтобы, по меньшей мере, облегчить положение крепостных, хотя и имела такое намерение. Когда Пугачев поднял восстание, он прямо заявил, что оно направлено против дворян и монархии, подчеркивая таким образом общность их интересов. Наконец, впоследствии, когда Екатерина принялась преобразовывать систему местного управления, она вынуждена была вновь опереться на дворянство. Жалованная грамота дворянству стала попросту знаком усиливавшейся логической связи - союза императрицы с дворянством или зависимости первой от второго.

В историографии нового времени стран, считающихся либеральными, монархия представляется крайне консервативным институтом. Между тем на протяжении почти трех столетий раннего периода новой истории монархия являлась институтом прогрессивным, сознательным проводником перемен, особенно во Франции при таком монархе, как Людовик XIV, которого народная молва ославила как реакционера. В XVIII в. монархии спешили представить себя (и по большей части им это удавалось) в качестве прогрессивной и, насколько возможно, справедливой силы.

В Западной Европе был еще один мощный носитель перемен - буржуазия. В России же буржуазии, увы, не существовало. Единственным двигателем прогресса здесь фактически оставалась монархия. В этом отношении можно отметить деятельность Ивана III (1462-1505), Василия III (1505-1533), Ивана IV (1533-1584) и Петра I (1682-1725). Когда Екатерина отказалась от замыслов прогрессивной реформы, ознаменовав свою капитуляцию Жалованной грамотой дворянству, в российской истории нового времени монархия и дворянство впервые объединились в консервативный альянс, который к тому же был направлен против интересов остальной части нации³⁶.

Французская революция направила свой удар против тех же двух институтов, против которых в свое время выступил Пугачев, - монархии и дворянства, и в итоге сплотила их союз и стала катализатором реакции. То была естественная беда. В конце концов, она породила трагедию. Налицо был союз наиболее консервативных элементов общества против всех остальных. Он сильно затормозил развитие торговой буржуазии и законсервировал крестьянство в безгласном и косном рабстве, создав социальные корни кризиса модернизации, который, в конце концов, потребует для своего преодоления приложения немалых усилий³⁷. Речь идет о тех корнях политической, культурной, экономической и технологической инертности и застоя, которыми

предстояло держать Россию в своих тисках на протяжении большей части XIX в. и сделать невозможным ее существование в традиционных формах в начале XX в. Всему же этому положила начало просвещенная Екатерина³⁸.

Павел сделал, конечно, больше и заслуживает большего уважения за совершенные преобразования. Однако по иронии судьбы, то ли вследствие краткости его царствования, то ли из-за того, что это царствование получило репутацию неустойчивого, возникла существенная диспропорция между важностью преобразований этого периода и пренебрежительным отношением к ним со стороны российских историков, в то время как американские специалисты по истории России уделяли им очень большое внимание. Исключение составил В. О. Ключевский, не поддавшийся заблуждению. Он писал: "Напрасно считают его (царствование Павла. — *X. P.*) каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной к нам судьбы, не имеющим внутренней связи с предшествующим временем и ничего не давшим дальнейшему: нет, это царствование органически связано как протест - с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников - с будущим"³⁹.

Пресловутым мотивом действий Павла являлась личная неприязнь к матери, к ее политике и особенно к ее фаворитам. Наряду с очень заметными спастическими порывами он был движим также возвышенными идеями века, идеями панинской партии, а в особенности мыслью о том, что Россия нуждается в мире, порядке и развитии своих внутренних ресурсов. Сильное увлечение такими идеями обнаруживается в его записке 1774 г., в переписке с братьями Паниными, а также в беседах как дома, так и за границей⁴⁰. Когда после многолетнего нетерпеливого ожидания Павел пришел к власти, он начал, как и следовало ожидать, с нарочитой поспешностью осуществлять слишком буквальный и чистый вариант своих излюбленных идей.

Первый год царствования ознаменовался внутренними реформами. Стремясь положить конец неустойчивости на троне - периоду дворцовых переворотов, начавшемуся из-за закона Петра I о престолонаследии (согласно ему монарх сам избирал себе преемника), - Павел издал закон, устанавливавший право первородства при решительном предпочтении лиц мужского пола. Благодаря Павлу прекратились дворцовые перевороты (жертвой последнего из них по иронии судьбы стал он сам). Управление делами в Сенате сделалось более эффективным. От губернаторов стали требовать большей ответственности. Армия была реформирована таким образом, чтобы поощрять офицеров, состоявших на действительной службе, и отбить у унтер-офицеров охоту к злоупотреблениям. Была усилена цензура на литературу, поступающую из-за границы, установлены пределы эксплуатации помещичьих крестьян, учрежден банк для помощи нуждающимся дворянам, введена веротерпимость.

Больше всего дворян беспокоило то, что Павел, хотя и не отменил Жалованную грамоту дворянству, относился к ней без должного уважения. Он хотел вернуть дворян к служебной этике времен Петра I. Он считал это сословие развращенным и ленивым и наказывал его по своему капризу и произволу в нарушение Грамоты 1785 г., что стало одной из главных причин недовольства Павлом со стороны дворян. Другая причина лежала в сфере внешней политики. Внутренние реформы были основным предметом забот Павла в начале царствования. К концу 1798 г. они были по большей части завершены. С этого времени в центре внимания правительства оказываются вопросы внешней политики. Чередование внутренних реформ и внешних дел, которое мы наблюдали на примере царствования Екатерины, четко просматривается и в период правления Павла.

Коренной перелом 1790-х гг. проявился в области внешней политики так же, как и во внутренней. На внешнюю политику повлияли три фактора. Первый - материальные условия. К концу екатерининского царствования российская держава приобрела побережья Балтийского и Черного морей, а также значительную часть Польши. Обладание обоими побережьями давало большие экономические преимущества, а поскольку Россия не являлась главной морской державой, трудно вообразить, чтобы она

распространила свою экспансию за пределы этих морей. Более того, как показал кризис, последовавший за взятием Очакова, большинство европейских держав были намерены к тому времени положить предел продвижению России в юго-восточной Европе. Исчезновение Польши устранило источник нестабильности в восточноевропейской политике, а также приблизило Россию к границам двух более устойчивых и более сильных государств - Пруссии и Австрии. Вторым фактором была французская революция - величайшее международное явление века. Третьим стали личные качества Павла⁴¹.

По восшествии на престол новый монарх осудил политику матери и провозгласил мирные принципы собственной политики. Он отказывался выполнить обязательство Екатерины направить армию для присоединения к силам коалиции, воюющей против Франции. Он вывел русскую эскадру из Ла-Манша, где она действовала совместно с англичанами; отозвал корпус Валериана Зубова, направленный ранее для участия в кампании против Персии; заверил турок в своих мирных намерениях. Это, действительно, был явный разрыв с внешней политикой матери.

Будучи приверженцем мира и равновесия, Павел, однако, вовсе не являлся изоляционистом. В частности, он был более искренен в своей враждебности к Французской революции, чем Екатерина. Он объявил, что будет противостоять той угрозе всей Европе, которую являла собой Франция, и станет поддерживать уважение к закону, праву, собственности и морали⁴².

Весной 1797 г. он направил в Берлин кн. Н. В. Репнина, чтобы прозондировать мнение французов и пруссаков о возможности мирного посредничества в Европе путем созыва общей конференции в Лейпциге⁴³. Но миссия Репнина оказалась неудачной влствие того, что 18 апреля 1797 г. в Леобене были подписаны предварительные условия мира⁴⁴. Тем временем, пытаясь претворить в жизнь свои посреднические планы, Павел предложил заключить мир и установить дипломатические отношения с Францией. Он направил в Берлин Н. П. Панина (племянника своего бывшего наставника Н. И. Панина) для бесед с французским посланником Кэлларом. Их переговоры сорвались, так как Кэллар настаивал на том, чтобы ни одна из сторон не оказывала помощи врагам другой стороны. Этот пункт не мог быть выполнен: слишком много французских эмигрантов нашли себе приют в Петербурге⁴⁵. Последовавшее вскоре заключение Кампоформийского мира (18 октября 1797 г.) и вовсе похоронило проекты посредничества.

Один из пунктов договора в Кампоформи особенно уязвил Павла. Речь идет о французской аннексии Ионических островов. На протяжении следующего года его задевали и многие другие действия революционной Франции. В феврале 1798 г. была образована Римская республика, в апреле - Гельветическая, в январе 1799 г. - Партенопейская. В июне Бонапарт захватил остров Мальту, в июле он высадился в Египте. Эти события повлекли за собой нечто беспрецедентное в европейской политике. Павел послал свой флот для взаимодействия с турками в деле освобождения Ионических островов, а в январе 1799 г. подписал с Турцией союзный договор.

Весной 1799 г. Павел обдумывал план созыва мирной конференции для согласования условий, к принятию которых державы могли бы затем принудить Францию⁴⁶. Итак, он во второй раз задумал общеевропейскую конференцию для улаживания конфликтов на континенте, но эти замыслы были перечеркнуты кампанией 1799 г.

Большинство специалистов хорошо знают, каким образом Суворов добыл славу русско-австрийским армиям и изгнал французов из Италии. Не хуже известен и нервный спор Павла с австрийцами⁴⁷. Вена добивалась компенсации военных расходов, а, возможно, и создания барьеров вдоль французской границы для обеспечения безопасности в будущем. Павел настаивал на восстановлении законных монархов Карла Эммануила II Сардинского и Фердинанда IV Неаполитанского, однако Вена колебалась.

Ввиду спорности данных вопросов Павел направил в середине июля ноту в Вену, Лондон и Неаполь, приглашая эти державы на конференцию в Петербург для улаживания существующих в коалиции разногласий и координации всей политики в

надежде на всеобщее умиротворение⁴⁸. То было третьей попыткой прибегнуть к дипломатии конгрессов, оказавшейся также неудачной. Между тем Павел объявил войну Испании, которая поддерживала Францию⁴⁹ и подписал договоры об оборонительном союзе с Португалией (сентябрь), Баварией и Швецией (октябрь)⁵⁰. Прежде чем война успела закончиться, Павел обвинил своих союзников в вероломстве, объяснив, таким образом, успехи французов и поражение русской армии, и демонстративно покинул коалицию⁵¹.

Позиция Павла в тот момент лучше всего характеризуется его многократными и подчас напыщенными объяснениями целей своего участия во Второй коалиции. Они - главные риторические свидетельства произошедшей в 1790-х гг. "революции" в русской внешней политике, поскольку становятся примером (пусть и в наивной, рудиментарной форме) тех идеалов и устремлений, которые находим в гораздо более совершенном виде в политике Александра почти десятилетие спустя. Павел писал послу в Вене А. К. Разумовскому 10 августа 1799 г.: "Я объединился с державами, обратившимися ко мне за содействием против общего врага. Движимый честью, я пришел на помощь человечеству. Я привел в действие тысячи людей, чтобы добиться для него счастья. Но, приняв решение уничтожить нынешнее правительство Франции, я ни в коем случае не желал, чтобы ее место заняла другая держава и, в свою очередь, стала наводить ужас на соседних государей... Революция во Франции сломала все европейское равновесие. Очень важно восстановить его, но по общему согласию... Что касается меня, то я хочу добра и не допущу, чтобы другие творили зло"⁵².

Расхождения во мнениях, однако, продолжались, и в ноябре 1799 г. Павел решил выйти из коалиции. Конечно, он объявил о причинах своего решения в драматических тонах: "Опасное положение, в котором находились Италия и Германия... заносчивость самозванного правительства французского, недостаток единодушия между главнейшими державами европейскими, неуверенность каждого в собственных своих силах, наконец, усиленные просьбы венского двора, призывавшего на помощь императора всероссийского, все это решило его величество выдвинуть свои силы сухопутные и морские против врага общественного порядка. В это время между обоими императорами и королем великобританским царствовало самое единодушное согласие; все три союзника только и заботились о том, как достигнуть благой цели; не было и речи о приобретениях или вознаграждениях. Идти вперед, освободить Францию, сохранить ее неприкосновенно в том положении, в каком она была до революции, восстановить там монархическое правление и решительным ударом положить конец кровопролитной войне... Отлагаясь ныне от союза, его величество дает тем новое доказательство своего бескорыстия. Император Павел ничего другого не желал, кроме блага общего; честь была единственным его руководителем... Однако же, прекратив ныне свое содействие, император российский не теряет из виду благого дела и, когда настанет время, снова готов поднять оружие"⁵³.

Если эти документы и обнаруживают человека с менталитетом морализирующей школьной учительницы, то разве Александр I с его сеансами Юлии Крюднер и Священным союзом сильно отличался от него? Выход из коалиции на некоторое время лишил Павла твердой внешнеполитической линии, и этот факт символизируется удалением его в один из загородных дворцов, где он пребывал в фактической изоляции от дипломатического корпуса. Когда во Франции произошел переворот 18 брюмера,

он был должным образом отмечен при царском дворе. Прусский посланник писал: "Говорят, что российский император не слишком опечален установлением нового порядка вещей во Франции"⁵⁴. Однако и приветствовать нового героя Тюильри в Петербурге вовсе не спешили. Как-никак тот был захватчиком Ионических островов, Мальты и Египта. Когда министр иностранных дел Ш. М. Талейран впервые написал через Берлин в Петербург, предлагая обсудить условия мира, Павел сообщил, что намерен оставить французскую инициативу без ответа⁵⁵.

Дипломатическая история 1800-1801 гг., отмеченная явными чертами сумасбродства, почти столь же хорошо отражена в исторической литературе, как и перемен-

чивая политика Павла во время войны 1799 г., однако, она все же заслуживает внимания, поскольку так и осталась непонятой в историографии⁵⁶.

Прежде всего следует остановиться на проблеме вооруженного нейтралитета 1800г. 29 июля 1800 г. Петербург и Берлин подписали договор, фиксирующий в абстрактной и благожелательной форме основные принципы внешней политики двух стран. Договор предусматривал присоединение к нему Швеции, Дании, Саксонии, Ганновера, Турции и Гессен-Кассельского герцогства⁵⁷. Этот безобидный документ положил начало тому, что в последние 18 месяцев павловского царствования стало доминирующей линией в политике. Отчасти то было возвращением к старой идее его воспитателя Н. И. Панина - Северной системе, - но с некоторыми новыми чертами. Теперь она приобрела агрессивную окраску и должна была стать ядром в деле вооруженного посредничества для восстановления мира в Европе.

Лига вооруженного нейтралитета хорошо известна и представляет собою действительно заметное явление, но задумана она была всего лишь как придаток более величественной и претенциозной Северной лиги. Н. П. Панин объяснял русскому посланнику в Берлине А. И. Крюденеру, что Северная лига замышлялась как повторение посредничества 1779 г., когда Россия выступала гарантом Тешенского договора между германскими государствами после войны за баварское наследство. Концентрация войск на границе должна была стать, по словам Панина, не чем иным, как прелюдией к предъявлению ультиматума⁵⁸. Русский представитель в Стокгольме заявил королю Густаву-Адольфу IV, что "целью вооруженного посредничества должно стать сдерживание честолюбивых намерений Австрии и Франции и сохранение существующего положения в Германии"⁵⁹.

У пруссаков, однако, не хватило мужества для столь решительного шага. Их посланнику было дано указание даже не обсуждать проблему, а канцлер вскоре прислал официальную ноту с отказом⁶⁰. Северная лига в итоге была сведена к Лиге вооруженного нейтралитета, и когда пруссаки не решились исполнить свой долг, как он виделся Павлу, т. е. не стали оккупировать Ганновер, царь направил ультиматум с требованием сделать это в 24 часа. 30 марта 1801 г. они подчинились⁶¹.

Еще одним требующим внимания сюжетом дипломатической истории 1800-1801 гг. является вопрос о так называемом союзе с Бонапартом. В действительности союз этот не более чем миф. Бонапарт и Талейран, конечно, изъявили готовность возвратить Павлу взятых в 1799 г. русских военнопленных⁶². Они прислали ему меч Ла-Валлетты⁶³, бывшего великого магистра Мальтийского ордена, и предложили самый остров Мальту⁶⁴. Все это хорошо известно, причем полагают, что Павел был обманут Бонапартом. Однако дело обстояло не так. Павел действительно принял предложение по поводу возвращения русских пленных, но на условиях, что будет соблюдена военная честь, т. е. что они дадут обещание не сражаться больше против французов. Такой гордый ответ, как разъяснил датскому посланнику вице-канцлер Ф. В. Ростопчин, был продиктован "отвращением императора к безвозмездным одолжениям французского правительства"⁶⁵. Реакция русских на предложение острова Мальты также была очень прохладной: в Петербурге хорошо знали, что остров вот-вот сдастся англичанам, которые держали его в осаде (что и произошло в сентябре)⁶⁶.

Тем не менее, в октябре 1800 г. Павел передал в Париж свои условия возобновления дипломатических отношений: "1) Восстановление прежнего положения острова Мальты; 2) Восстановление целостности Сардинского королевства; 3) Неприкосновенность Неаполитанского королевства; 4) Баварии; 5) Вюртемберга"⁶⁷. Только 21 декабря 1800 г. была направлена официальная нота из Парижа, в которой выражалось согласие с условиями Павла⁶⁸.

На сей раз, Павел ответил мягче. Он обратился лично к Бонапарту. "Я предлагаю Вам условиться о мерах относительно прекращения бедствий, которые вот уже в течение одиннадцати лет приводят в отчаяние всю Европу. Я не хочу обсуждать ни права человека, ни принципы различных форм правления. Я говорю не об этом...

Я готов выслушивать Вас и договариваться с Вами... Мой уполномоченный Колычев отправится вслед за этим письмом"⁶⁹.

Инструкции С. А. Колычеву корректировали условия, предъявленные в октябре. Так, Франция могла аннексировать левый берег Рейна, вознаградив при этом князей, лишаящихся таким образом своих владений, за счет земель, конфискованных у церковных собственников. Французы должны были обеспечить восстановление прежнего положения Мальты. Французские войска следовало вывести из Египта, а власть папы - реставрировать. Наконец, Павел поручал Колычеву предложить Бонапарту стать наследственным монархом Франции, поскольку "это единственный способ обеспечить Франции устойчивое правление и изменить революционные начала, которые вооружили против нее всю Европу"⁷⁰.

Однако прежде чем начались переговоры, русская сторона выдвинула новые условия. Франция должна была пойти на мир с Сардинией, вывести войска из Неаполя, признать Ионическую республику, созданную под общим покровительством Турции и России, а также согласиться на русское посредничество в переговорах французов с турками⁷¹.

Эти условия после Люневильского мира 9 февраля 1801 г., разумеется, были неприемлемы для Парижа. Переговоры потерпели неудачу, едва начавшись. По вполне понятным причинам Павел настаивал на том, чтобы соглашение о принципах общего умиротворения в Европе предшествовало восстановлению дипломатических отношений между Францией и Россией, тогда как Бонапарт и Талейран желали, чтобы восстановление отношений предшествовало условиям примирения.

Первые впечатления С. А. Колычева не обещали особой надежды на успех. "Я вообще сомневаюсь в успехе своей миссии", - писал он, говоря о "необузданной гордыне" Бонапарта, который ставил своей целью извлечь пользу из вражды Пруссии с Австрией, России с Англией, России с Турцией, стремился установить свое господство над всей Европой. У французов, в свою очередь, осталось не лучшее мнение о Колычеве. Как писал Бонапарт Талейрану, "трудно быть более назойливым и бестолковым, чем месть Колычев"⁷².

Итак, никакого франко-русского союза весной 1801 г. не существовало, и если остальная Европа боялась его, то ни французы, ни русские не питали в этом отношении никаких иллюзий. Союз не состоялся не вследствие убийства Павла. Дело было в непримиримых политических разногласиях. Что же касается современников, то, кажется, лишь один человек понимал внешнюю политику России того времени - баварский посланник при петербургском дворе Ф.-Г. де Браи, который писал: "В России нет никакой системы, прихоть монарха составляет всю ее политику... Его намерения, впрочем, всегда одни и те же. Ни один правитель, вероятно, не был более постоянно занят одной единственной мыслью, более переполнен одним и тем же чувством. Вот почему не столь уже необычно наблюдать подобное непостоянство действий, так тесно соединенное с неизменностью принципов. Абсолютная честность, искреннее желание, чтобы каждый пользовался своими законными правами, врожденная склонность к деспотизму, определенно рыцарский склад характера, делавший его способным к принятию как самых великодушных, так и самых опрометчивых решений, - вот что часто руководило Павлом в его отношениях с другими державами. Он поставил себя во главе коалиции, движимый чувством, а не соображениями интереса... Этот монарх хотел стать реставратором Европы, человеком, который искоренит всякую несправедливость. Он полагал, что если объявит, что не имеет никаких честолюбивых замыслов, не ищет никаких выгод, тем самым вынудит и других поступать так же... Если бы Павел лучше знал людей и век, в котором жил, то никогда не совершил бы поразительной ошибки, вообразив, что люди не имеют иных страстей и иных интересов, кроме стремления к справедливости"⁷³.

А П. Моран считал ошибкой Павла то, что тот неизменно пытался "достичь чего-то слишком высокого... Он изнурил себя в несбыточных поисках незапятнанного совершенства"⁷⁴.

К похожему выводу приходит и Р. Макгру: "Павел был скорее моралистом, чем политиком. Именно это придало утопический оттенок всем близким его сердцу проектам, а его политическим действиям тоталитарный характер". Показательна его увлеченность мальтийским рыцарством. Вот как пишет об этом Р. Макгру: "Мальтийское рыцарство, реформированное и возрожденное... составляло неотъемлемую часть его планов противостояния революционному якобинству и разгрома последнего. Он... пригласил изгнанных из европейских стран дворян в Россию, где соорудил бастион против разрушительных сил современного мира... Именно для этого великого дела он и стал магистром Ордена, мобилизовывал эмигрантов и приглашал к участию в своем предприятии римского папу... По мысли Павла... рыцарство послужило бы образцом для поднятия нравственного сознания и русского дворянства... Короче говоря, рыцарство являлось еще одним средством осуществления павловской нравственной революции"⁷⁵.

Р. Макгру, как и Ф.-Г. де Браи, полагает, что коренные основы внешней политики Павла были постоянны и последовательны. Я придерживаюсь такого же мнения. Павел считал, что жизненным интересам России соответствует прочный и длительный мир в Европе. Он отдавал предпочтение монархии, но форма правления в его представлении была не столь важна, как поведение конкретного правительства. Враждебность Павла к Директории была вызвана скорее экспансионистской политикой этого режима, чем его республиканской природой. Агрессивные государства были одинаково неприятны ему, будь они республиками или монархиями. Я всецело поддерживаю вывод, который делает Р. Макгру: "Его принципы как во внешней, так и во внутренней политике наметили будущее России... Он пытался открыть новые направления в русской внешней политике. Во всех своих начинаниях он продемонстрировал бескорыстие. У него не было территориальных притязаний, он предлагал свои услуги в качестве посредника и... стража (малых держав. - Х. Р.). Проводившиеся им идеи сделали своего рода конституцией для постнаполеоновской Европы. То, что он не сумел создать в конце XVIII в., реализовал в конце концов Меттерних в период между 1815 и 1848 гг."⁷⁶ Особенно важными представляются два последних утверждения. Внешняя политика России последующих лет убеждает в этом⁷⁷.

Приведенные цитаты характеризуют не только политику Павла, но фактически и политику Александра I, которую описывать значительно легче, поскольку в данном случае в распоряжении исследователя находится гораздо более обширная и надежная документальная база. Чтобы уяснить сущность внешней политики Александра, необходимо рассмотреть ее в связи с тремя очень важными сюжетами, когда задавал тон именно он, а не его французский противник: 1) выработкой политической линии непосредственно после вступления на престол, т. е. весной - осенью 1801 г.; 2) созданием Третьей коалиции; 3) Венским конгрессом и Священным союзом.

Придя к власти, Александр оказался связанным договорами и обязательствами предыдущего царствования, многие из которых были для него обременительны. Подобные обстоятельства предполагали наличие у него такого качества, как противоречивость. Именно она была свойственна его характеру.

Главной проблемой в тот момент стал английский флот, который, превратив в руины Копенгаген, приближался к Петербургу. Александр заверял своих союзников по Лиге вооруженного нейтралитета, что не покинет их и не откажется от общих принципов, хотя и предупреждал, что принципы эти нуждаются в некоторой корректировке применительно к политике Лондона⁷⁸. Согласно условиям заключенной морской конвенции, осуществившей такую корректировку, англичане сделали уступки в вопросе о блокаде, русские же уступили по всем остальным пунктам.

Как только кризис, вызванный конфликтом с Великобританией, миновал, царь разослал по российским посольствам за границей первый документ с изложением сути своей политики. Риторика его напоминает документы Павла. Он будет затем неоднократно прибегать к ней для обоснования курса своей дипломатии. Он объявил о намерении отстраниться от европейских дел. Такой огромной стране, как Россия, заяв-

лял Александр, территориальное расширение не нужно. Он не желает участвовать в "междоусобных распрях" Европы и, подобно Павлу, равнодушен к вопросу об иностранных формах правления. Его цель - дать своему народу все блага мира. Иными словами, в тот момент он выступал сторонником невмешательства⁷⁹. Однако даже здесь присутствовал элемент противоречивости. Если бы я взялся за оружие, говорил Александр, то только для защиты своего народа "или жертв честолюбия, тревожного для спокойствия Европы".

Он чувствовал тяжесть обязательств отца. "Вступив на престол, я обнаружил, что опутан политическими обязательствами, ряд из которых прямо противоречил интересам государства и... не согласовывался с географическим положением и обычаями договаривающихся сторон". Россия, например, "не имела прямых интересов" в Неаполе. Другим случаем подобного рода являлось объявление Павлом войны Испании: оно было аннулировано. Хуже обстояло дело с договором о взаимной обороне с Португалией. Когда последняя подверглась франко-испанскому вторжению в мае-июне 1801 г., Александр вынужден был признать, что при всем его сочувствии к несчастью, постигнутому жертву агрессии, Россия не в состоянии помочь ей⁸⁰.

Еще одним важным делом, которое унаследовало царь, были переговоры с Бонапартом. Александр направил своему уполномоченному в Париж проект нового договора, в котором уже отсутствовали наиболее экстравагантные требования Павла. Признавая свои обязательства в итальянском вопросе в целом трудно выполнимыми, Александр продолжал все-таки заботиться об интересах Неаполитанского и Сардинского королевств⁸¹. Бонапарт же, как только узнал о смерти Павла, поспешил принять в обоих государствах превентивные меры - закрыть порты, разместить французские войска в Неаполе, подготовиться к аннексии Сардинии. Александру почти не оставалось выбора для действий в тех вопросах, по поводу которых он не проявлял тогда особой озабоченности⁸².

Когда был подписан мирный договор с Францией и сопровождавшая его политическая конвенция, оказалось, что они отражают пожелания французов. Как и по Тешенскому трактату, обе державы должны были стать посредниками и гарантами в деле вознаграждения германских владетелей. Россия должна была посредничать при заключении мира Франции с турками. Бонапарт обязался сохранять целостность Неаполитанского государства. Обе стороны должны были, насколько это позволяло "существующее положение вещей", позаботиться об интересах Сардинии⁸³.

Намерения Александра по реорганизации Германии были просты: как можно меньше менять устройство страны, но усилить ее так, чтобы не допустить революционной анархии и сделать ее более способной противостоять агрессии, особенно французской⁸⁴. Случилось, однако, что Бонапарт, воспользовавшись географическим положением и престижем Франции, исключил южногерманские государства из сферы российского влияния, превратив их во французских сателлитов⁸⁵.

Решив необходимые вопросы внешней политики, Александр переключил внимание на внутренние дела, явно отдавая им предпочтение.

В царствование Александра I достигла своей высшей точки та тенденция, которая стала присуща русскому государству и обществу после смерти Петра I. Речь идет о почти полном прекращении господства монархии над аристократией, которое установил Петр. Екатерина II была напугана грубым ответом дворянства на предложение смягчить крепостное право, сделанное в Уложенной комиссии, напугана пугачевским восстанием, а после начала Французской революции получила предупреждение о приближающейся анархии. Угроза монархии со стороны аристократии чрезвычайно возросла после убийства Павла. Во всяком случае, это событие повергло Александра в ужас⁸⁶. Его внутренняя политика по существу была парализована оппозицией дворянства. Его царствование стало повторением двух предыдущих: все тот же поворот от внутренних дел к внешним. Однако во внешних делах он натолкнулся на такое же противодействие проектам союза с Францией, какое испытал Павел. Тем не менее, он воспринял многие принципы и приоритеты отца.

После царствования Екатерины и вплоть до крушения империи Александр I - единственный российский монарх, который питал неподдельно восторженные чувства в отношении реформ. Но его политическая программа по большей части осталась двусмысленной и неопределенной, поскольку он, подобно Екатерине, не мог легкомысленно и безрассудно вступить на путь либеральных реформ в такой стране, как Российская империя, где система власти была насквозь пропитана цепкими традициями и духом консерватизма. Невольно напрашивается вывод, что политическое мышление Александра было девственно чистым, что он хранил и лелеял его в заветных уголках своей души. Он более всего напоминает знаменитого персонажа, которого Тургенев метко назвал "лишним человеком". Этот тип "совестливого барина" олицетворяет собою передовые западноевропейские идеи в государстве и обществе, которые не приемлют их. А поскольку, за неимением политической середины, он отказывается выбрать один из двух единственно практически открытых ему путей, а именно сотрудничество с режимом либо безоглядный и безжалостный терроризм, ему остается только уйти - в нравственный паралич.

Так или иначе, Александр действовал осторожно, что в условиях России означало действовать тайно⁸⁷. Его помыслы и политические проекты в течение почти всего царствования вращались вокруг двух вопросов: дарования конституции и освобождения крепостных. В его царствование появился целый поток подобных проектов, причем все они формулировались в самой осторожной, абстрактной и противоречивой форме. В основе их было стремление достичь верховенства закона, создать некое "правовое государство", способное наложить определенные узы, как на монарха, так и на его подданных, и навсегда покончить с правлением капризных фаворитов и тиранов, которыми столь богато оказалось восемнадцатое столетие. Многие дворяне, достоинство которых сильно пострадало от павловских причуд, приняли новые веяния близко к сердцу. Они горели желанием поддержать конституционные устремления нового монарха.

Вопрос о конституционной реформе осложнялся, однако, рядом обстоятельств. Дворянство, понимавшее новые идеи и поддерживавшее их, действовало в основном во имя политического освобождения своего собственного сословия и вопреки интересам других общественных классов и политических группировок. К тому же в среде самого дворянства существовали многочисленные конфликтующие фракции и группировки.

Старые аристократы сформировали сенаторскую партию, возглавлявшуюся Александром Воронцовым. Они стремились сосредоточить прерогативы "правового государства" главным образом в Сенате, где имели сильные позиции. Либерально настроенные молодые друзья Александра, входившие в Негласный комитет, выступили против программы сенаторской партии. Они опасались, что эта программа выльется лишь в одну реформу, которая похоронит надежды на осуществление всех остальных. Кучка закоренелых консерваторов (Ф. В. Ростопчин, А. Б. Куракин, А. С. Шишков), вспоминая царствование Екатерины как золотой век дворянства, безусловно, поддерживала традиционные самодержавные прерогативы российского монарха. Существовала, наконец, заговорщическая группа убийц Павла во главе с Н. П. Паниным и П. А. Паленом. Александр, разумеется, боялся их. Говорят, что не один месяц царь чувствовал себя их заложником. Он не мог забыть судьбы отца⁸⁸.

Подлинную реформу в среде русского общества можно было провести только при наличии консенсуса и поддержки ее в том социальном слое, в котором они были достижимы. Но консенсус-то и оказался невозможным. Лучшим примером здесь служит, конечно, вопрос о крепостном праве. Характерно, что Александр действовал путем проб, очень осторожно и осмотрительно. Сначала он был готов восстановить нормы старого закона, запрещавшего продажу крепостных без земли, на которой они жили. Он начал заниматься проектом, предусматривавшим возможность выкупа казной крестьян у их собственников, а также другим - о предоставлении семье крепостного права покупать себе свободу.

Слухи об этих планах вызвали острейшую реакцию в дворянской среде. Протестовал и Негласный комитет, избранный самим царем из молодых друзей-радикалов. В конце концов, Александр вынужден был пойти на компромисс. Он только запретил помещать в газетах объявления о продаже крепостных без земли и разрешил дворянам-землевладельцам освобождать целые деревни с крепостными вместе с землей. Однако дворянство было серьезно недовольно даже и такими половинчатыми мерами. Короче говоря, проекты внутренних реформ Александра оказались в патовой ситуации.

В этот момент по счастливому стечению обстоятельств Александр нашел нового министра иностранных дел Адама Чарторыйского. Этот человек, подобно самому царю, был переполнен проектами. Однако проекты эти относились к внешней политике. Война Третьей коалиции против Франции освободила Александра от проблемы реформ, подобно тому, как война с Турцией вызволила Екатерину из похожего затруднительного положения, связанного с работой Уложенной комиссии.

27 июня 1801 г. Александр писал своему посланнику во Франции А. И. Моркову, что если Бонапарт станет продолжать проводить внешнеполитическую линию Директории, перспектив на мир в Европе останутся очень немного⁸⁹. Между тем Бонапарт реформировал Швейцарию, Голландию, сделал себя президентом новой Итальянской республики, пожизненным первым консулом, а затем и императором, аннексировал Пьемонт, расстрелял герцога Энгиенского, захватил Геную. Вскоре начала создаваться новая коалиция.

Характерным для Александра I оказалось то обстоятельство, что вступлению в первую для него войну он нашел нравственное оправдание и оформил его с витиеватой литературной выразительностью. Если России предстоит переступить границы ее собственных национальных интересов — момент очень важный — и вмешаться в дела Европы, писал Александр, она сделает это во имя установления такого порядка вещей, который принесет действительную пользу для человечества и гарантирует европейским странам постоянный мир.

Власть Бонапарта над Европой, заявлял Александр, грозит уничтожить всякие понятия о справедливости, праве и морали в международных делах, заменив их торжеством преступления и беззакония, и таким образом поставить на карту безопасность всего континента. Исходя из этих принципов, он наметил конкретные цели: вернуть Францию в ее прежние границы, дать ей новую форму правления; освободить Сардинию, Швейцарию, Голландию; заставить Францию вывести войска из Неаполя и Германии; сохранить независимость Турции; сформировать большие государства или федерацию государств на границах Франции в качестве барьера против французской экспансии.

Чтобы вернее добиться успеха в войне, царь намеревался принудить своенравную Пруссию присоединиться к коалиции⁹⁰. Главным средством для достижения означенных целей были бы поиски поддержки в европейском, а особенно во французском общественном мнении. Такой поддержки для своей программы дома, в России, Александр не мог найти. В основе будущего мира, по мнению царя, должно было лежать нечто подобное государственным границам, прочерченным в соответствии с явно узнаваемыми национальными рубежами или естественными границами (идея, которая разрушила бы его собственную империю). Наконец, Александр предложил некую систему соглашений держав для поддержания мира после победоносной войны ("европейский концерт"). Он объявлял, что им движет только стремление к "всеобщему благополучию"⁹¹.

Несмотря на то, что Александр заранее сговорился с англичанами о целях войны и условиях мира, он изображал свои проекты в 1805 г. как вооруженное посредничество!⁹² Это означает, что он готов был представить как французскому, так и английскому правительствам условия англо-русских договоренностей как основу для создания коалиции России и Австрии, а если возможно, то и Пруссии, пытаясь при этом уладить конфликт между Великобританией и Францией.

Все это являлось точной, но разумной копией политики безумного Павла, стремившегося использовать свою Северную лигу зимой 1800-1801 гг. для подобного же рода вооруженного посредничества между французами, с одной стороны, и англоавстрийским союзом - с другой. Если не принимать во внимание экстравагантности последних двух-трех недель жизни Павла, то по существу это был его план, только скорректированный ходом событий: Бавария и Вюртемберг были достаточно щедро вознаграждены Бонапартом, чтобы продолжать смотреть на Россию как на свою защитницу; Павел не включил в проект Парижского договора пункт об оказании помощи Швейцарии и Голландии, однако направил войска для освобождения этих стран. Хотя теперь не существовало дела, связанного с великим магистром Мальтийского ордена, Александр, настаивая на эвакуации англичан с острова, едва не сделал союз 1805 г. мертворожденным. Тем временем, уже будучи полностью вовлеченным в союз с Англией, царь все же без колебаний отстаивал неприемлемые для англичан принципы нейтрального мореплавания и вновь чуть не нанес этим удара по союзу⁹³. Можно предположить двоякую вещь: либо Александр и его союзники подпали под обаяние личности Павла (нелепое предположение), либо Павел был не так уж безумен, как порою принято считать.

Когда война была закончена и Александр с Наполеоном в Тильзите объединили свои силы, царь вернулся к прежним намерениям. На сей раз в роли Негласного комитета выступал один человек - вероятно, самый способный государственный деятель в истории России - Михаил Сперанский, сын священника, женатый на англичанке. Александр поручил ему составить проект основных законов, и тот подготовил хороший документ. В нем говорилось о гражданских правах для всего населения, о политических правах для класса собственников и о разделении власти на судебную, законодательную и исполнительную. Проект не был претворен в жизнь, но сам факт разработки его напугал дворян. Непосредственно перед войной 1812 г., из уважения к добрым чувствам русской нации, столь необходимым в военной обстановке, царь уволил непопулярного франкофила Сперанского и положил под сукно его конституцию.

Союз с Францией и реформаторский проект Сперанского вновь сделали актуальной проблему общественного мнения. Эмиссары Наполеона аккуратно сообщали о массовом недовольстве союзом с Францией. Генерал Савари писал, что Франция имеет в России лишь двух друзей - императора и министра иностранных дел Н. П. Румянцева⁹⁴. Один придворный прямо предостерегал Александра: "Берегитесь, Ваше величество. Вы можете окончить, как Ваш отец!"⁹⁵ Отвечая на вопрос другого приближенного о причинах увольнения М. М. Сперанского, царь дал понять, что только обстоятельства могли заставить его сделать такую уступку общественному мнению⁹⁶.

Когда в конце 1812 г. Александр и его армии перешли русскую границу и двинулись в Центральную Европу, царь должен был сделать очень важный выбор: продолжать дальше войну в Европе или нет. Накануне войны он дал клятву не начинать ее первым, но и не складывать оружия до тех пор, пока хотя бы один французский солдат останется на русской земле. Фельдмаршал М. И. Кутузов осмелился напомнить ему об этом, заметив, что царь выполнил первую часть клятвы, теперь остается выполнить вторую ее часть и закончить войну. Кутузова поддержал Румянцев. Однако Александр был одержим грандиозной идеей, подсказанной жаждой возмездия и тщеславием. Он решил заключить мир только в Париже - и добился этого. Его словами были: "Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать"⁹⁷.

Цели, которые ставил в тот момент Александр, являлись логическим развитием как целей Павла, которые тот преследовал в 1800-1801 гг., так и самого Александра времен подготовки англо-русской союзной конвенции 1805 г.: возвращение Пруссии и Австрии к тому состоянию, в котором они находились до разгрома 1805 и 1806 гг.; возврат территории Франции к дореволюционным границам; роспуск Рейнского союза и восстановление независимости северогерманских и южногерманских государств; освобождение Италии и Нидерландов от французского владычества; рестав-

рация Бурбонской династии в Испании; превращение земель, расположенных на границах с Францией, в барьер против французской экспансии⁹⁸. Единственным пунктом, выделяющимся из этой смеси военных целей, стал собственный проект Александра I, очерчивавший будущее устройство Польши.

* * *

Россия вышла из эпопеи 1812 г. сильнейшей державой континента, а возможно, и всего мира. Однако с реформами было покончено, и, что еще важнее, победа оказала на страну воздействие, противоположное тому, которое имело поражение в 1856 г. Эта победа наложила своего рода печать превосходства на российскую систему правления. Тем не менее в 1815 г. Александр вернулся к той миссии, к которой, по его мнению, он был призван. В недавно присоединенной Финляндии (1808 г.) он подтвердил традиционную конституцию и запретил крепостное право. Наполеон в 1807 г. освободил крестьян в Великом герцогстве Варшавском, но без земли, а Александр даровал Польше конституцию. В 1817 г. царь тайно повелел начать подготовку освобождения крепостных в восточной части Украины.

В речи при открытии первой сессии сейма в Варшаве в марте 1818 г. он сказал (по-французски), что желает основать "юридически свободные учреждения" на всех землях, вверенных ему Провидением. Он велел немедленно сделать перевод речи и разослать его по всей России. В стране речь восприняли как предвестницу освобождения крепостных. В одном из писем того времени говорилось, что "все общество (читай "дворянство". - *X. P.*) встревожено намерением императора освободить крестьян". Автор другого письма отмечал, что речь вызвала "приступы страха и уныния". Вскоре Александр поручил Н. Н. Новосильцеву подготовить конституцию для России". Есть косвенные свидетельства, говорящие в пользу того, что интерес Александра к Польше частично заключался в желании сделать ее достойным примером для России. Не исключено также, что он рассматривал ее как возможное убежище на случай, если освобождение русских крепостных стало бы угрожать ему повторением судьбы его несчастного отца¹⁰⁰.

Наконец, он устал от борьбы. Когда настроения, царившие в обществе, убедили его в неосуществимости его планов, он, по-видимому, уступил обстоятельствам и впал в угнетенное состояние. А затем начался по-настоящему консервативный период правления, озаглавленный, например, учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения во главе с А. Н. Голицыным, отъявленным реакционером, преследовавшим лучших деятелей русского образования, изгонявшим их из университетов. Теперь Александру, думается, уже было трудно решительно обратиться к внутренним политическим вопросам. В течение последних десяти лет своего царствования он много путешествовал, покрыв в общей сложности 135 000 миль!¹⁰¹

Опыт Александра иллюстрирует одно старинное русское явление и одно новое. С одной стороны, речь идет о традиционном российском феномене - реформах, проводимых исключительно сверху. В этом случае, однако, крушение планов Александра с предельной ясностью проливает свет на новое обстоятельство, элементы которого могут быть ретроспективно прослежены на протяжении нескольких предшествовавших поколений. После смерти Петра I российское дворянство сумело сбросить ярмо правительственного контроля, которое тот так прочно надел на него. С середины XVIII столетия и вплоть до конца существования империи консервативные общественные силы зачастую обладали достаточной мощью, чтобы помешать правительству поступать так, как, по мнению последнего, было необходимо для обеспечения благополучия нации. Реформы Александра II во второй половине XIX в. дают нам пример крушения надежд и планов, аналогичного тому, которое произошло при Александре I.

Во внутренней политике в течение всего XIX столетия наблюдалась четко выраженная преемственность. Александру II удалось осуществить ряд проектов, которые

разработал М. М. Сперанский для Александра I. Преемственность во внешней политике сохранялась вплоть до Крымской войны. Были заключены союзы с Турцией в 1799, 1805 и 1833 гг. Континентальная блокада, направленная против английской торговли, осуществлялась в 1801, 1808 и в последующие годы. Система конгрессов отражала взгляды Павла и Александра в 1796-1805 гг. Религиозная нравственность во внешней политике проявилась в случаях с мальтийским рыцарством, Священным союзом, а также с защитой Святых мест Палестины накануне Крымской войны. Павел и Александр I относились с большой сдержанностью к французским Бурбонам: оба они то предоставляли им убежище в Митаве, то отказывали в нем.

Хотя взаимодействие внутренней и внешней политики и делает правления трех российских монархов похожими, существует все-таки одно важное обстоятельство, которое отличает первое царствование от двух последующих. Иностранка Екатерина воевала за русские интересы, как она их понимала, тогда как уроженцы России Павел и Александр сражались в основном за интересы Европы в целом.

Примечания

¹ См.: напр., Maxwell K Pombal. *Paradox of the Enlightenment*. Cambridge, 1995, idem. *Pombal: the Paradox of Enlightenment and Despotism//Enlightened Absolutism* / Ed by H. M Scott. London, 1990 P. 75-118

² Его называют "государственным либерализмом", что звучит парадоксально, но не совсем неправильно. См: Омельченко О.А. "Законная монархия" Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С 373.

³ Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Т. 1. СПб., 1890. С. 437.

⁴ Омельченко О. А. Указ соч. С. 205-206.

⁵ Там же. С. 89-101, Griffiths D. *Catherine's Charters. A Question of Motivation* // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 23. 1989. P. 58-82.

⁶ Kizevetter A. A. *La commission de 1767* // *Histoire de Russie* / Ed. by P. Miliukov, Ch. Seignobos, L. Eisenmann. Vol. 2 Paris, 1935. P 552-570

⁷ Kamenskii A. B. *Empress Catherine II // The Emperors and Empresses of Russia: Rediscovering the Romanovs*/Ed by D B. Raleigh, A. A. Iskenderov. Armonk (New York), 1996. P. 159.

⁸ Записки императрицы Екатерины II М., 1989. С. 175.

⁹ Jones R. E. *Catherine the Great and the Russian Nobility*. Доклад на конференции в Эйтине (Германия), посвященной двухсотлетней годовщине со дня смерти Екатерины II.

¹⁰ Омельченко О. А. Указ. соч. С. 206-233.

¹¹ Bartlett R. P. *Catherine's Draft Charter to the State Peasantry* // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 23 P. 50

¹² Частновладельческие крестьяне составляли в то время 53% всего населения страны См.: Jones R. E. *Catherine the Great and the Russian Nobility*.

¹³ Дездежула К. Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972; Shtrange MM. *La Resolution francaise et la societe russe*. М., 1960 P. 78, 122, 183 etc

¹⁴ Kamenskii A. B. Op. cit. P. 153-154.

¹⁵ Как пишет Д. Рэнсел (R a n s e I D. *The Politics of Cathermian Russia, the Panin Party*. New Haven, 1975), русское дворянство не составляло единый, однородный социальный блок. В нем были группировки лиц, имевших общие интересы, различные партии и фракции Лучшим примером здесь может служить конфликт между партиями Панина, Орлова и Потемкина по вопросам внешней политики в 70-х гг. XVIII в. Данный вопрос, однако, не тема настоящей статьи. Во-первых, относительно освобождения крепостных мнение дворянства, исходя из различных практических соображений, было единодушно отрицательным. Во-вторых, партии, участвовавшие в борьбе вокруг внешнеполитических вопросов, состязались за преимущественное положение при дворе, и дворянство в целом, как мы увидим, было почти так же враждебно настроено против территориальной экспансии, как и против освобождения крестьян. Квалифицированная характеристика дворянства представлена в следующих работах: В l u m J. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961; M a d a r i a g a I. de. *The Russian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* // *The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* / Ed. by H M. Scott Vol. 2. New York, 1995. P. 223-273.

¹⁶ Jones R. E. *The Nobility and Russian Foreign Policy, 1560-1811* // *Cahiers du monde russe et sovietique*. Vol. 34. 1993. P. 159-170. См. также: G e y e r D. "Gesellschaft" als staathche Veranstaltung: Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18 Jahrhundert // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Bd. 14. 1966. S. 21-50; idem. *Staatsaufbau und Sozialverfassung: Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts* // *Cahiers du monde russe et sovietique*. Vol. 7. 1966. P. 366-377.

¹⁷ Mediger W. Moskaus Weg nach Europa der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen Braunschweig. 1952.

¹⁸ Цит по Ibid S. 112

¹⁹ Цит по Ibid S. 108

²⁰ Ibid S. 295

²¹ Цит. по Jones RE The Nobility and Russian Foreign Policy 1560-1811 P. 159

²² Ibid Н. И. Панин возможно был самой политически влиятельной фигурой раннего периода екатерининского царствования Он являлся также воспитателем вел кн Павла Появление значительной части его литературного наследия объясняется именно этим его положением Взгляды Никиты Панина, а также его брата Петра сделались предметом интенсивного изучения. См.: Русская старина. 1882. № 36. С. 315-330, Лебедев П. С. Графы Никита и Петр Панины СПб., 1863, Гейсман П. А., Дубовский А. Н. Граф Петр Иванович Панин. 1721-1789. Исторический очерк военной и государственной деятельности СПб., 1897. С. 90. The Memorandum of Count Nikita Panin 28 December 1762/Plans for Political Reform in Imperial Russia 1730-1905 /Ed by M Raeff Englewood Cliffs, 1966 P 53-68, R a n s e l D The Politics of Catherinian Russia the Panin Party (chapter 3), i d e m An Ambivalent Legacy The Education of the Grand Duke Paul // Paul I An Assessment of His Life and Reign /Ed by H Ragsdale Pittsburgh, 1979 P. 1-16 Ragsdale H Tsar Paul and the Question of Madness An Essay in History and Psychology Westport, 1988 P. 32-39, M c G r e w RE Paul I of Russia 1754-1801 Oxford 1992 P. 57-69

²⁵ Обзор сведения о том как Екатерина аргументировала необходимость поворота от Балтики к Черному морю, см Bagger H. The Role of the Baltic in Russian Foreign Policy 1721-1773 // Imperial Russian Foreign Policy/Ed by H Ragsdale Washington, New York 1993 P. 61-71

²⁴ Jones R. E. Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth Century Russia // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas Bd. 32, 1984, S. 38-42

²⁵ Искать русские документы о греческом проекте - неблагоприятное занятие По неизвестным причинам обсуждение его не нашло отражения в опубликованных материалах (См.: Архив Государственного совета СПб., 1869) То что нам известно об этих заседаниях исходит из неожиданного источника АР Воронцов один из руководителей внешней политики России во всех деталях рассказывал о них австрийскому послу графу Людвигу Кобенцлю который исполняя свой долг сообщил обо всем венскому двору. В результате, мы можем прочесть о том, что в действительности происходило на заседаниях Совета при высочайшем дворе в Петербурге, только в материалах венского Государственного архива

²⁶ Haus Hof und Staatsarchiv Russland II Benchte Faszikel 65, № 48, PS I Подробнее см.: R a g s d a l e H. Evaluating the Traditions of Russian Aggression Catherine II and the Greek Project // Slavonic and East European Review Vol. 66, 1988, P. 91-117

²⁷ Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanschen Reiches in Europa 7 Bande Hamburg 1840-1863 Bd 6 S 312

²⁸ S e g u r L-Ph. de Memoires Vol. 2 Pans, 1827. P. 293-294

²⁹ L a I o u E. Les plans de Catherine II pour la conquete de Constantinople Pans, 1913. P. 7 ³⁰ Мартене Ф. Собрание трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2 СПб., 1875 С. 244-245

³¹ Archiv fur osterreichische Geschichte. Bd. 42. 1870. S. 442

³² L o j e k J. Catherine II s Armed Intervention in Poland Origins of the Political Decisions at the Russian Court in 1791 and 1792//Canadian American Slavic Studies Vol. 4. 1970. P. 570-593

³³ Подробнее см Jones RF Provincial Development in Russia Catherine II and Jakob Sievers New Brunswick 1984

³⁴ См.: Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли Пг. 1923. С. 276, Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России М., 1947. H e r l i h y P. Odessa A History 1794-1917. Cambridge, 1986. P. VII J, 227, passim

³⁵ Александров П. А. Северная система М., 1914. Лебедев П. С. Указ. соч. Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798-1807 М., 1962. Grimsted PK The Foreign Ministers of Alexander I Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825 Berkeley. 1969.

³⁶ Этот тезис впервые был сформулирован Р. Джонсом В своих собственных рассуждениях я в значительной степени опираюсь на его работу Jones R. E. The Emancipation of the Russian Nobility, 1762-1785 Princeton. 1973.

³⁷ См.: Moore B. The Social Origins of Dictatorship and Democracy Lord and Peasant in the Making of the Modern World Boston 1966 Gerschenkron A Europe in the Russian Mirror Four Lectures in Economic History Cambridge. 1970.

³⁸ В своей ставшей классической статье Е. В. Тарле доказывал что екатерининская Россия не являлась отсталым государством Тарле Е. В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной //

Т а р л е Е. В. Соч. В 12 т. Т. 4 М., 1958 С 441-468 Интересные рассуждения по этому вопросу имеются у Х Баггера Bagger Н. Ор. cit. Р. 60-66. Мне представляется логичным отнести важную проблему российской отсталости в XIX в. на счет причин, описанных выше См также McGrew RE. Ор cit. Р. 354-357

³⁹ Ключевский В. О. Соч. В 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 173

⁴⁰ Переписка вел. кн. Павла Петровича с гр. Петром Паниным//Русский архив. №33. 1882. С. 403-418, 739-764, Лебедев П. С. Указ. соч. С. 185-199, Гейсман П. А. Дубовский А. Н. Указ. соч. С. 88-98

⁴¹ О внешней политике Павла более подробно см Ragsdale H Russia, Prussia and Europe in the Policy of Paul I //Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas Bd. 31. 1983. НР 81-118

⁴² Л а н и н Р. С. Внешняя политика Павла I в 1796-1798 гг // Ученые записки Ленинградского университета 1941 №80 Серия исторических наук. Вып. 10 С. 7-8, М и л ю т и н Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Изд. 2 СПб., 1857 Т. 1 С. 10

⁴³ Его предложения в это время сводились к следующему признанию республиканской Франции и французской аннексии Ниццы, Савойи и Австрийских Нидерландов, передача Австрии части Баварии или территорий, конфискованных у церковных владетелей в качестве компенсации См. Мартене Ф. Указ. соч. Т. 6. СПб., 1883. С. 250-251, Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 33, Л а н и н Р. С. Указ. соч. С. 11-13, Вербицкий Е. Д. Первая попытка примирения дворянской России и буржуазной Франции (конец 1796 - начало 1798 г) // Ежегодник научных работ Херсонского государств педагогич ин-та им. П. К. Крупской Серия гуманитарных наук Т. 29. Херсон, 1960.

⁴⁴ Они заключались в следующем Австрия уступает Нидерланды и Ломбардию и получает в качестве компенсации Истрию, Далмацию и Венецию.

⁴⁵ Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 36, Т. 3. С. 58-59, Брикнер А. Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина (1770-1837) Т. 2. СПб., 1890 С. 75-77

⁴⁶ Мартене Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 251

⁴⁷ Разногласиям во Второй коалиции соответствуют споры в историографии Милютин Д. А. Указ. соч., Mackesy P. Statesmen at War The Strategy of Overthrow London, 1974, idem War Without Victory The Downfall of Pitt, 1799-1802 Oxford, 1984, Р о i d e г К. A Baron Thugut and Austria's Response to the French Revolution Princeton, 1987, Schroeder P The Collapse of the Second Coalition // Journal of Modern History Vol 59. 1987 P. 244-290

⁴⁸ Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 3. С. 443-444

⁴⁹ Там же Т. 2 С. 159-160, Т. 3 С. 429-430

⁵⁰ РСЗ-1 Т. 25 № 19113, 19161, Мартене Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 246-249

⁵¹ Можно согласиться с К. А. Ройдером, который объясняет конфликт между союзниками как естественный результат коалиционных военных действий и обычных трудностей в деле согласования политических и военных планов между державами, удаленными друг от друга и от полей сражений Р о i d e г К. А. Ор. cit. Р 326-327

⁵² Цит. по Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 3. С. 445

⁵³ Там же Т. 2 С. 553, 558

⁵⁴ Deutsches Zentralarchiv, Histonsche Abteilung II, Merseburg Ministenum fur auswartige Angelegenheiten I (далее DZA Merseburg AA) Rep 4 № 487

⁵⁵ См донесение английского посланника в Петербурге Ч. Витворта своему правительству от 14 марта 1800 г - Public Record Office London Foreign Office 65/46

⁵⁶ Последующее изложение совершенно противоречит традиционным версиям Они неудовлетворительны потому, что в период между разрывом дипломатических отношений с Англией и Австрией (осень 1800 г) и восстановлением неофициальных дипломатических отношений с Францией (март 1801 г.), дипломатические документы этих трех стран, естественно, не содержат надежных сведений о русской политике Возможно, что русские архивы также не содержат таких сведений Я не получил в свое время (первая половина 1980-х гг) доступа к русским архивным материалам данного периода. Поэтому мне пришлось искать сведения о политике России в архивах тех держав, которые сохраняли дипломатические отношения с Петербургом зимой 1800/1801 г, те Сардинии, Неаполя, Швеции, Дании и Пруссии На свидетельствах, извлеченных из этих архивов, и построено дальнейшее изложение

⁵⁷ Мартене Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 270-280

⁵⁸ Брикнер А. Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина Т. 5 СПб., 1891 С 368

⁵⁹ Riksarkiv (Стокгольм) Ur Muscovitica 498 № 2

⁶⁰ DZA Merseburg AA I Rep 4 № 487

⁶¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый Его жизнь и царствование Т. 1 СПб., 1904 С. 341 Сб. РИО Т. 70 СПб., 1890. С. 672, Донесение датского представителя в Пруссии своему правительству от 29 марта 1801 г - Rigsarkiv (Копенгаген) Dpt f u A Preussen 2 Depecher 1801, Ford G S.

Hanover and Prussia, 1795-1803 A Study in Neutrality New York 1903 P 231-235, The Armed Neutralities of 1780 and 1800 A Collection of Official Documents/Ed by J B Scott New York. 1918. P. 592-594, D w y e r Ph. G. Prussia and the Armed Neutrality The Invasion of Hanover in 1801//International History Review Vol. 15 1993 P. 661-687

⁶² Сб РИО, Т. 70. С. 1-3

⁶¹ Correspondence de Napoleon I 32 vols Pans, 1858-1870 Vol. 30 P. 473-474, Talleyrand Ch M, de Memoirs 5 vols New York 1891-1892 Vol. 1 P. 210

⁶⁴ Correspondance de Napoleon I Vol. 6. № 4965. Ministere des Affaires etrangeres Correspondance politique Russie, 139 №208

⁶⁵ Rigsarkiv (Копенгаген) Dpt t u A Rusland II Depecher

⁶⁶ Там же Riksarkiv (Стокгольм) Ur Muscovitica 464

⁶⁷ Сб РИО, Т. 70. С. 10-11. Этот документ разительно отличается от гораздо более известного проекта союза с Францией заключавшего в себе основные идеи Тильзитского договора Проект был составлен Ф. В. Ростопчиным Я полагаю (опять вопреки общепринятым версиям) что Павел так и не утвердил проект Ростопчина См.: Ragsdale H. Detente in the Napoleonic Era Bonaparte and the Russians Lawrence, 1980 P. 36-39, 118-119

⁶⁸ Сб РИО Т, 70. С. 26-27

⁶⁹ Там же, С, 27-28

⁷⁰ Русский архив. 1874. № 12. Стб 965-966

⁷¹ Сб РИО, Т. 70. С. 673-675

⁷² Там же, С 42-44, 114, 171

⁷³ Bray FG. de La Russie sous Paul I // Revue d'histoire diplomatique Vol. 23 1909 P. 594-596

⁷⁴ Morane P. Paul I de Russie avant l'avenement 1754-1796 Pans 1907 P. 336 441 349

⁷⁵ M c G r e w R. E. Op. cit. P. 16. 276-277

⁷⁶ Ibid P. 17 320

⁷⁷ Совершенно иной взгляд на политику Павла выражен в работе О. Фельдбаэка Feldbaek O The Foreign Policy of Tsar Paul I 1800-1801 An Interpretation // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas Bd 30 1982 S. 16-36

⁷⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века / Под ред. А Л Нарочницкого и др. Серия 1 (далее ВПР) Т. 1. М., 1960. С. 19

⁷⁹ Данное обстоятельство подчеркнуто в книге Bourquin M Histoire de la Samte Alliance Geneva, 1954 P 92 etc

⁸⁰ ВПР Т, 1 С. 42-19, 54-56 699 (примем 20)

⁸¹ Сб РИО, Т. 70 С. 683-684 692-693 201-222

⁸² См.: Correspondance de Napoleon I Vol. 6 № 5137 Vol. 7 № 5433 5459 5468, 5483, D r i a u l t E. Napoleon en Itahe, 1800-1812 Pans 1906. P. 99-114

⁸¹ ВПР Т. 1. С. 95-99

⁸⁴ Там же, С. 54-56 115-121

⁸⁵ K r u g e r Lowenstein U Russland Frankreich und das Reich 1801-1803 Zur Vorgeschichte der 3 Koalition Wiesbaden, 1972

⁸⁶ McConnell A Alexander I s Hundred Days The Politics of a Paternalist Reformer // Slavic Review Vol. 28 1969 P 373-393

⁸⁷ Осторожность Александра-I и пристрастие его к тайным действиям были таковы что он вершил государственные дела по большей части, не доверяя ничего бумаге. Из-за этого обстоятельства становится очень трудным дать характеристику его политическому курсу и подтвердить ее документально В по следующем изложении чрезвычайно сжато и упрощенном, я в значительной степени полагаюсь на архивные изыскания М. М. Сафонова и С. В. Мироненко, Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX в Л, 1988, Мироненко С. В. Самодержавие и реформы политическая борьба в России в начале XIX в М, 1989. Полезна также книга Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века М., 1957

⁸⁸ См.: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 116, M c C o n n e l l A. Op. cit. P. 376

⁸⁹ Сб РИО Т. 70 С. 201-222

⁹⁰ См.: Z a w a d z k i W H. A Man of Honour Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795-1831 Oxford, 1993 P. 133 ВПР Т. 2 М., 1961. С. 512-516 607-608

⁹¹ ВПР Т. 2. С. 131-135

⁹² Schroeder P. W. The Transformation of European Politics, 1763-1848 Oxford 1994 P. 607-608

⁹¹ См.: напр. ВПР Т. 2. С. 200-202

⁹⁴ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1904. С. 210 и след Сб РИО, Т. 88 СПб., 1893. С. 246, 317, 518-519, 685-686

⁹⁵ Leу F. Alexandre I et Id Sainte-Alliance Pans, 1975. P. 32

⁹⁶ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1897. С. 41-42

⁹⁷ Там же, С. 137, 128

⁹⁸ ВПР Т. 7. М., 1970. С. 65, 201-202, 246 259-260, 372-373, 591, Т. 8. М., 1972. С. 87-88

⁹⁹ Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730-1905. P. 110-120

¹⁰⁰ См.: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 63-64, 79-80, 114, 157-160, 198, 217

¹⁰¹ Fedorov V. A. Emperor Alexander I, 1801-1825//The Emperors and Empresses of Russia Rediscovering the Romanovs. P. 228

© 2001 г.

Л. Ф. ПИСАРЬКОВА

РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ ДО ВЕЛИКИХ РЕФОРМ: ОБЫЧАЙ, ПОВИННОСТЬ, ПРАВО*

СОСЛОВНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Реформы Екатерины II

Стремление Петра I перестроить местное управление на началах коллегиальности и участия в нем "шляхетства" не получило практического воплощения, но сама идея не умерла Уже при Елизавете Петровне проект Нового уложения, составленный с учетом предложений сословных депутатов, отразил желание дворянства участвовать в местном управлении После принятия в 1762 г Манифеста о вольности дворян вопрос о сословных правах получил особое значение В наказах депутатов Уложенной комиссии, созванной Екатериной II в 1767 г, эти предложения высказывались еще настойчивее¹⁴⁹ Желание дворян управлять провинцией совпало с планами Екатерины II "приискать средство для привлечения дворян к службе при уничтожении обязательной службы"¹⁵⁰

Реформа местного управления была разработана с учетом наказов депутатов Комиссии 1767 г, представлявших все сословия России и дружно отстаивавших принцип выборной сословной (преимущественно дворянской) службы Историк В. Григорьев заметил по этому поводу "Русские люди XVI в просили своих государей пожаловать их всесословными, земскими выборными управителями. Русские люди XVIII в. просят ученицу Вольтера и Монтескье пожаловать их сословным дворянским предводителем, воеводою или опекуном () Или развитие сословных начал в государстве есть признак прогресса и культурности?"¹⁵¹ Как ни странно, но ответить на этот вопрос можно только утвердительно.

Московское государство не знало сословий как замкнутых объединений, наделенных общими, равными для всей группы наследственными правами и обязанностями, характерных для социальной структуры европейских стран Сословные группы того времени носили тяглый характер, а их значение и состав определялись прикреплением к той или иной государственной службе. Петр I еще более усложнил эту "разверстку сословных повинностей"¹⁵², но не создал сословий. По определению Е. В. Анисимова, социальные группы, возникшие в ходе петровских реформ, "не имели законодательно оформленных сословных прав и привилегий, сословной организации и системы само-

* Окончание. Начало см.: Отечественная история. 2001. № 2.